

УДК 111

ЭЛЕМЕНТЫ И ОБЪЕКТЫ РУССКОЙ МИФОЛОГИИ В МАСЛЕНИЦЕ

Демченко Полина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: polina-alex@mail.ru

В статье рассматриваются обряды и обрядовые действия Масленицы, исследуются элементы русской мифологии в этом празднике. Автор опирается на методологию философии имяславия, символическую концепцию слова и языка, а также концепцию онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени, которая обозначена в трудах В. А. Фриауфа и В. В. Канафьева. В публикации анализируются божества и мифологические персонажи и воплощения сил плодородия масленичного праздничного комплекса – Волос и Мокошь. Исследуется также роль природных стихий и некоторых объектов окружающего мира (огня, воды, земли, ветра, дерева, доли, души, смерти) в феномене Масленицы. Особое внимание уделяется празднованию этих славянских культов в Масленице как встречи имманентного и трансцендентного, временного и вечного. Результаты исследования позволяют предположить, что наличие данных архетипов в масленичном комплексе становится условием расширения пространственно-временного измерения и перехода к онтологической норме бытия; условием преобразования мифического бытия. Архетипы выполняют функцию взаимосвязи горнего и дольного миров. Делается вывод, что через взаимосвязь элементов русской мифологии в Масленице осуществляется преобразование бытия-кентавра как следствие перехода языка-знака в язык-символ.

Ключевые слова: праздник Масленица, онтология, символ, божество, огонь, вода, земля, ветер, дерево, смерть, душа.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145

Во время ежегодных коллективных праздников, таких как Новый год, Масленица и пр., представляющих собой конец года как аналогию конца эры и мира, человек пытается возвращаться к мифу, чтобы пережить драму начала Мира. Поэтому все церемонии, сопровождающие эти праздники, четко передают их направленность, а именно возвращение ко времени живой и сакральной целостности. Попытаемся выявить взаимосвязь основных элементов масленичного обрядового комплекса с объектами русской мифологии. Обратим внимание на два блока: 1) божества, мифологические персонажи и воплощения сил плодородия, связанные с сезонными обрядами; 2) природные стихии и объекты.

Божества, мифологические персонажи и воплощения сил плодородия, связанные с сезонными обрядами

Прежде чем приступить к анализу этих элементов, напомним, что в славянской мифологии слово «бог» означает не просто «божество», но

и «долю», «богатство» («богатый» образовано в русском языке от «бог» и имело первоначально значение «наделенный хорошей долей»).

Масленица – это недельный календарный праздник. Однако именно четверг был днем начала широкой Масленицы, когда пеклись блины, начиналось шумное застолье с плясками, переходящее в массовое уличное гулянье. С четверга по селу ходили ряженые и пужалки, жители деревень катались на санях и с горы. Почему именно четверг является одним из главных дней недельного праздника Масленицы, становится понятным, если обратиться к древнерусской языческой мифологии.

В древнерусских письменных источниках четверг был днем Волоса (Велеса) – «скотского бога», бога богатства и покровителя домашнего скота [1, с. 104]. Несмотря на то, что в «Повести временных лет» имя Волоса не упоминается наряду с другими именами богов пантеона, он принадлежит к немногочисленным языческим богам, которым поклонялись на всей территории Древней Руси. Его имя использовалось при заключении договоров как клятва государственного уровня [2]. Волос считался покровителем и богом «всей Руси» в X в.

Праздник «Волосья», «Волосье» в Гродненской губернии отмечался в четверг масленичной недели: готовились обильные мясные блюда, несмотря на запрет поедания мяса в это время; начиналось радостное гулянье сначала за столом, а затем и на улице. Считалось, что уличное гулянье способствует росту числа скотины и урожаю льна. Культ Волоса имел непосредственное отношение к богатству, плодородию и жизни. В Новгородской губернии существовала связь Волоса с сельскохозяйственными культурами: «Волосовой бородкой» называлась жертва Волосу – оставленная на поле несжатая полоса колосьев, способствующая, по преданию, возвращению силы земле.

Исследователи отмечают покровительство Волоса певцам и сказителям, поэтому его культ связан с поэзией и обрядовыми песнями. Согласно «Слову о полку Игореве», Боян, или «Велесовый внук» в древнерусских письменных источниках, – вещий певец, которому доступно

то, что скрыто от обыденного сознания человека. Пение Бояна сравнивалось с колдовским магическим ритуалом, «во время которого совершается путешествие по всем мирам – верхнему, среднему и нижнему: “Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым [сизым] орлом под облакы”» [3, с. 108]. «Подлинное поэтическое творение всегда являет собою пример языка-символа. Более того – поэтическая форма есть не что иное, как перевод слов и выражений из состояния языка-знака в состояние языка-символа» [3, с. 36].

Согласно нашему подходу, празднование культа Волоса в четверг масленичной недели неслучайно: в этот день осуществляется встреча имманентного и трансцендентного, временного и вечного через преобразование бытия-кентавра как следствие перехода языка-знака в язык-символ.

В списке пантеона божеств можно выделить еще один мифологический персонаж – Мокошь, который имеет отношение к масленичной обрядности. Вспомним табуирование некоторых работ в масленичную неделю и в пятницу Масленицы: существовал запрет на грязную работу и на прядение. Этот день в языческой традиции является днем Мокоши [4, с. 176–192]. Мокошь – это единственное женское божество, верования в которое были распространены по всей территории Древней Руси. Образ и функции этого персонажа неоднозначны: с одной стороны, в северорусских говорах слово «мокоша» означает «нечистую силу», с другой – языческая Мокошь слилась с христианской святой Параскевой Пятницей [5]. Мокошь являлась покровительницей прядения и иных видов женской деятельности и выполняла функции божества плодородия, любви, рождения и судьбы.

Природные стихии и объекты в масленичном праздничном комплексе

В языческих культах огонь является не только объектом поклонения, но и посредником между божеством и человеком. *Огонь* с давних времен олицетворял живое существо, поэтому его «кормили» во время праздничных кушаний, бросая в него кусочки пищи. В древних письменных источниках говорится, что язычники зажигали костры в своих святилищах, потому считалось, что огонь – посредник между человеческим миром и миром божества, между имманентным и трансцендентным. В языческой традиции огонь был наделен посреднической функцией в погребальной обрядности, поскольку он переносил души умерших в иной мир. Во многих южнорусских

губерниях существовала традиция «греть покойника», разжигая костер. Обычно костры жгли в святочные периоды: в Новый год, Рождество, Крещение. Согласно мифологическим представлениям, в это время расширяются границы между горним и дольным мирами и становится возможным общение с предками, с потусторонними существами.

Огонь считался очистительной стихией. С ним предки связывали представления об аде, в котором грешные души, совершившие тяжкие смертные грехи, горели в вечном огне. Помимо очистительных огню приписывались целительные и продуцирующие свойства, которые использовались в архаических обрядах в дни, имеющие значение временного рубежа. Масленица являлась одним из таких праздников и имела внутреннюю связь с культом природного огня и солнца. На масленичной неделе разжигались костры и жители деревень прыгали через них, чтобы обрести здоровье.

В мифопоэтических представлениях славян огонь имел и негативное начало, которое воплощалось в образе дракона или змея. Возможно, сжигание чучела Масленицы на костре и бросание в костер различной рухляди, веников, сора являлись некими элементами жертвоприношения страшному огню.

В архаических представлениях славян *вода* – одна из основных стихий мироздания. Неслучайно во многих космологических мифах традиционных культур она рассматривается как первооснова хаоса, из которого формируется в дальнейшем мировое пространство. Вода у славян, в том числе у русских, была местом перехода имманентного в трансцендентное, границей между мирами живых и мертвых. Эта посредническая функция реализовывалась во время обрядов, требующих контакта с потусторонними силами (живая и мертвая вода).

Обряд обливания водой молодых, натирание их снегом или зарывание в снег на Масленицу у многих славян символизировали брак и направлены на продолжение рода. Считалось, что в эти дни календарных праздников после зимнего периода «открывалась земля».

Воде приписывали и очистительную функцию, что напрямую было связано с ее физическими свойствами. В Великий четверг в Вологодской губернии хозяйка дома зачерпывала воду из колодца, бросала в нее серебряную монету и затем умывала этой водой своих детей, чтобы они были здоровыми, а девушки в этот день умывались водой рано утром, чтобы сохранить красоту и быть любимыми.

В масленичной обрядности значимой была аграрная семантика. Именно в это время начинается новый аграрный год. В архаических представлениях земля являлась одной из основных стихий мироздания и источником жизни, поэтому работы на земле должны были вестись с особым почтением: запрещалось плевать на землю, не вовремя работать в поле, тревожить ее раньше времени. Несоблюдение запретов могло привести к неурожаю и засухе, поэтому первые весенние полевые работы начинались с угощения лошади перед тяжелой пахотной работой священной выпечкой – блинами и другими фигурками из теста [1, с. 164–165].

В традиционной культуре земля также олицетворяла женское начало, а для плодотворения земли необходимо было воспроизвести ее символическое оплодотворение, поэтому эротика являлась необходимым компонентом многочисленных календарных праздников, в том числе и Масленицы, поскольку магические действия, согласно архаическим представлениям, обеспечивали плодородие полей, приплод скота и детородность женщин. В масленичную неделю отношения между парнями и девушками были более свободными: допускались объятия и поцелуи; чествовали молодоженов, ожидающих первенца, особое уважение оказывалось невесте, зятю.

На русском Севере в масленичное воскресенье после ударов колокола к вечеру необходимо было всем катавшимся на санях уехать из села, при этом «гнать как на пожар». Этот эпизод масленичного обрядового комплекса имеет отношение к ветру как мифологическому природному явлению, связанному со стихией воздуха. *Ветер* наделялся свойствами демонического существа, поскольку обладал связью с потусторонним миром и был причастен к архаическим существам и богам иного мира.

В Вологодской, Новгородской, Томской губерниях считалось, что ветер возникает от дуновения ангелов. Возможно, именно этим объяснялись известные польское и белорусское поверья, когда быстрое движение включалось в ритуалы изгнания вредоносной силы, болезней и т.п., дабы не догнала нечистая сила.

Катание молодых с гор, а также пускание с горы горящего колеса с разлетающимися по ветру искрами на масленичной неделе могли быть связаны с изгнанием дьявольских сил, поскольку гора в архаическом представлении является сакральным пограничным местом между живым миром и иным. Катание с горы должно быть быстрым, потому что в рамках структуры

мифологической системы гора – и центр концентрации всевозможных магических сил, имеющих потустороннюю природу.

Интересным объектом русской мифологии в феномене праздника Масленицы является *дерево* или предметы, изготовленные из него. Чучело Масленицы насаживали на деревянный крест, привязывали к нему солому, одевали в ветхое тряпье и затем сжигали, изготавливали также деревянные шесты, с которыми обходили деревни, на них закреплялась, а потом поджигалась солома. В Тамбовской губернии было принято ставить в сани наряженную елку [6, с. 27].

В мифологии дерево в структуре мирового пространства является аналогом мировой оси, которая соединяет два мира: оно отвечает за взаимообмен между нашим и иными мирами. В архаической мифологии дерево воспринимается как символ жизни и указывает на изменение статуса человека, поскольку своими корнями связано с предками (прошлым, подземным миром), а кроной – с будущим (божественной сферой), и потому определяет судьбу человека.

Дерево является древнейшей моделью цикла, которая сочетает в себе время и пространство: время пронизывает собой пространство и растворяется в нем так, что мы можем видеть одновременно начало, середину и конец. На наш взгляд, дерево представляет собой цикл меонического времени, который синхронно охватывается эоническим временем, поэтому и чучело Масленицы является сакральным, загадочным и сжигается на огне – месте топологического разъема, раскола бытия-символа.

В масленичном комплексе можно выделить параллели не только с конкретными объектами окружающего мира, но и с абстрактными понятиями архаических представлений русской мифологии: *долей, душой, смертью*.

Доля – неоднозначное и сложное понятие в мифологии восточных славян, не только связанное с судьбой человека, но и соотношенное с понятием целого (слово «доля» связано с глаголом «делить»). Обычно в культуре традиционного общества понятие доли соотносится с образом хлеба, что неслучайно, поскольку хлеб воспринимался в земледельческом обществе как главный источник жизнеобеспечения. Именно поэтому в обрядах восточных славян, которые затрагивают какие-либо изменения в судьбе человека, всегда присутствуют действия, направленные на распределение ритуальных блюд, например, хлеба, каши и пр. Блины и другие изделия из теста воспринимались изначально как священные, поэтому приготовление блинов, совместная еда, уго-

щение бедных являлись важнейшими атрибутами масленичного комплекса. Так, осуществлялось перераспределение в погребальной обрядности доли не только покойного, но и живых.

В календарные праздники, во время которых, согласно архаическим представлениям, размывались границы между миром живых и иным миром, становилось возможным общение с *душами* предков, умерших ранее, посещение ими родных мест. Для поминания умерших родственников, предков вообще, делались блины «помянущие»: их клали на слуховое окошко, божницу или отдавали нищим с просьбой помянуть умерших родителей.

Опыт «инициатической смерти», обретение «нового человека» с преображенной, качественно новой сущностью мы можем наблюдать практически в каждом элементе масленичного комплекса – поминальных обрядах, сжигании чучела Масленицы, приготовлении блинов, сжигании старых вещей в костре и т.п. У восточных славян традиционно *смерть* воплощалась в женских персонажах – беззубой старухе, красивой девушке, женщине в белом. Разные образы смерти, возможно, связаны с тем, что в славянской мифологии она воспринималась как естественный этап, необходимый для продолжения нормального хода жизни на земле, как начало чего-то нового, иного существования, поэтому и проводы зимы во время празднования Масленицы не воспринимались как трагическое событие.

Смерть является необходимым элементом протекания процессов в меоническом бытии, поскольку через нее осуществляется не только

преодоление онтологически неполноценного состояния, но и обретение истинной сакральной традиции, в рамках которой существуют сакральные пространство и время. Смерть – это момент фиксации в одной точке пространства и времени, являющихся неподвижными по отношению к физическому меоническому времени и пространству; смерть – момент гармонизации бытия-кентавра за счет вторжения в меон ущербного бытия взаимодополняемых на энергийном уровне пространства и времени (мы говорим сейчас об эоническом измерении). Следствием этого вторжения является качественное преобразование бытия и достижение состояния бытия-символа.

Список литературы

1. Русская мифология : энцикл. М. ; СПб., 2006. 784 с.
2. Лаврентьевская летопись. URL: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=72309> (дата обращения: 04.06.2016).
3. Фриауф В. А. Генеалогия языка и культура. Между историей и метафизикой. Саратов, 2015. 197 с.
4. Кайсаров А. С. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993. 320 с.
5. Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 631– 633.
6. Алтаева П. Н. Тамбовская масленица как текст : семантика, символика и терминология обрядов (на общерусском фоне) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 198 с.

Образец для цитирования:

Демченко П. Н. Элементы и объекты русской мифологии в Масленице // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145.

Elements and Objects Russian Mythology in the Maslenitsa

P. N. Demchenko

Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television
13, Pravda str., Saint-Petersburg, 191119, Russia
E-mail: polina-alex@mail.ru

The article is devoted to the rituals and ceremonial acts of Maslenitsa, also the elements of Russian mythology are explored. The author refers to the methodology of the philosophy of Name, the symbolic concept of speech and language, as well as the concept of the ontological mutual convertibility of language and time phenomenon, which are described in the works by V. A. Friauf and V. V. Kanafeva. The publication analyzes the deities and mythological characters and the embodiment of the fertility power of Maslenitsa complex – Volos and Mokosh'. The author

also examines the role of the natural elements and objects of the surrounding world (fire, water, earth, wind, wood, the share of the soul, and death) in the phenomenon of Maslenitsa. The special focus will be also on the celebrating Slavic cults in Maslenitsa as the intercrossing of the immanent and transcendent, the temporal and eternal. The results of the study lead to hypothesis that the presence of these archetypes in Maslenitsa becomes a condition for the expansion of space-time measurement and transition to the ontological norm of existence; the condition of the transformation of the meonic existence. The archetypes play the role of connecting the mining and partite worlds. The author concludes that in the through the relationship between the elements of Russian mythology Maslenitsa a certain transformation of the centaur- existence is carried out as a consequence of transition of the sign-language into the symbol-language.

Key words: holiday of maslenitsa, ontology, symbol, god, fire, water, earth, wind, tree, death, the soul.

References

1. *Russkaya mifologiya: entsikl.* (Russian mythology: Encyclopedia). Moscow, St. Petersburg, 2006. 784 p. (in Russian).
2. *Lavrentievskaya letopis* (Laurentian Chronicle). Available at: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=72309> (accessed 4 June 2016) (in Russian).
3. Friauf V. A. *Genealogiya yazyka i kulta. Mezhdue istoriy i metafizikoy* (The Genealogy of the language and cult. Between history and metaphysics). Saratov, 2015. 197 p. (in Russian).
4. Kaysarov A. S. *Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga* (Myths of ancient Slavs. The book of Veles.). Saratov, 1993. 320 p. (in Russian).
5. Levkieskaya E. E., Tolstaya S. M. Paraskeva Pyatnitsa (Paraskeva Pyatnitsa). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar: v 5 t.* (Slavic antiquity: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.). Moscow, 2009, vol. 4, pp. 631–633 (in Russian).
6. Alpatova P. N. *Tambovskaya maslenitsa kak tekst: semantika, simbolika i terminologiya obryadov (na obshcherusskom fone): dis. ... kand. filol. nauk* (Tambov maslenitsa as the text: the semantic, the symbolism and the ritual's terminology {on the all-russian background}: diss. ... cand. of Philology). Tambov, 2002. 198 p. (in Russian).

Cite this article as:

Demchenko P. N. Elements and Objects Russian Mythology in the Maslenitsa. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145.
